

Дожденосные тучи, посылающие на землю свои благодатные ливни, представлялись первобытному племени ариев небесными источниками и колодцами: метафора эта так проста, так естественна, что она невольно возникала в уме и вела к отождествлению блуждающих в поднебесье облаков с земными ключами. Слово *utsa* — колодец — употребляется в Ведах для обозначения облака. Какместилища живительного, неиссякаемого дождя, который сколько ни проливается на поля и нивы, но всегда собирается в новых испарениях, облачные источники заключали в себе бессмертную, всемолящую влагу (*амриту*). Вместе с этим скученные массы туч, объемлющих собою весь небесный свод, а потом и самое небо, как широкая, беспредельная арена, по которой они постоянно носятся, приняты были за великое хранилище вод и названы воздушным (висящим над головами смертных) океаном — *samudra*; санскр. *avisha* — океан и небо, ирл. *aibheis* — глубокое море и атмосфера. Праотцы индоевропейских народов, за 5000 или за 6000 лет до настоящего времени, жили в Центральной Азии между высокою цепью Гималая и большим средиземным морем (Каспийским, которое в глубочайшей древности распространялось гораздо далее на восток и соединялось с Аральским озером), откуда впоследствии южные отрасли населения двинулись в Индию, а северные потянули на северо-запад по направлению к Малой Азии и Европе. Еще в первоначальной родине своей арии познакомились с кораблестроением и мореплаванием и потому легко могли уподобить небо морю, а ходячие облака плавающим по нем

кораблям*. Представления эти удержались и у славян. Чехи до сих пор туман или мглу около месяца называют студенцом (studankou). В народных русских заговорах «океан-море» означает небо, что очевидно из той обстановки, в какой употребляется это выражение; так, в одном заговоре читаем: «посреди океан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами»**. Украинская загадка выражается о солнце: «середь моря-моря (= неба) стоить червона коморя». Под влиянием означенной метафоры и согласно с тем наглядным впечатлением, по которому небесный свод представляется обнимающим землю, родилось убеждение, что земля «утверждена на водах», что поверхность ее есть большой круг и что ее со всех сторон обтекает кольцом пространный океан. Так думали в Гомерово время греки, так думали и другие народы. В стихе о голубиной книге сказано: «океан-море всем морям мати: окинуло то море весь белый свет, обошло то море окол всей земли, всей подвселенныя»***. У древних германцев предание это сочеталось с представлением дожденосных туч (облачного неба) в образе чудовищного змея; по свидетельству Эдды, Один бросил великанскую змею, рожденную богом грозового пламени (Локи), и она упала в море и обвила кольцом всю землю, кусая в страшной

* М. Мюллер сомневается, чтобы племя ариев знало море до разделения своего на разные ветви. По его замечанию, названия моря образовались позднее и потому не могли быть одинаковыми во всех языках индоевропейской семьи. Тожественные в языках греческом и латинском, названия эти различны у северных и южных народов, и даже у самых греков и римлян они — выражения переносные, имевшие вначале иное значение и потом уже усвоенные морю: лат. *pontus* и греч. *πόντος* означают влажный путь (ср.: лат. *pons*, санскр. *pantha* и *pâthas* = пАть); *υαλασσα* есть диалектическое изменение слова *υάρασσα* или *τάρασσα* — возмущенная, взволнованная поверхность (вод); напротив, лат. *aequor* (ровная поверхность) = *mare placidum*, море тихое. Но рядом с этими названиями существует еще одно, общее почти для всех индоевропейских народов: лат. *mare*, кимр., корн, и арморит. *môr*; сканд. *mar*, готск. *marei*, др.-нем. *marî*, *men*, англос. *mere*, литов. *mares* (множ. число — в значении залива), славян. море — от *mri* (умирать) = мертвая, пустынная поверхность. С лат. *pontus* и греч. *πόντος* роднится слав. пАчина.

** Может быть, сюда же должно отнести и эпические выражения «Слова о полку Игореве» о черных тучах, идущих с моря, и о буйных ветрах, веющих с моря стрелами.

*** «В словаре Памвы Берынды слово океан толкуется: всесветнее море».

пасти свой собственный хвост: имя змеи — Midhgardhsormr или Iörmungandr (ormr = wurm — serpens, midhgardh — срединное обиталище смертных, то же что iormungrund — terra). Когда, по сказанию средневекового памятника, Александр Македонский был поднят грифами в воздушные высоты, то океан-море показалось ему подобным змее, обвивающей собою широкую землю.

Вера в существование «всесветного океана» заставила думать, что заходящее солнце скрывается на ночь в морские воды и совершает в них ежедневное омовение. Такое убеждение разделяли греки, римляне, древние скандинавы, литовцы и славяне; у племен, поселившихся на берегах морей, оно должно было получить всю непреложность истины, потому что постоянное наблюдение говорило им о погружении солнца в морские бездны, точно так же, как для жителей гористых местностей светило это садится за горами («die sonne geht hinter die berge»), а для обитателей равнин, где дальние леса окаймляют горизонт, оно прячется за лесом. По греческому преданию, Гелиос, после дневного странствования, спускался к западу на усталых, жаждущих успокоения конях в волны того великого океана, что обтекает кругом землю; отсюда же, только с восточной стороны, выезжал он поутру освещать вселенную. Сходно с этим, древнегерманское предание говорит, что ранним утром Один выводит солнце на небо, а ночью вместе с ним погружается в море: там он садится на корабль и плывет в подземное царство. О заходящем солнце в старое время выражались, что оно погружается в море (taucht ins meer) и в его студёных волнах погашает свой полуденный жар. Прибалтийские жители доныне убеждены, что солнце каждый день купается в море и потому-то поутру восходит такое чистое и светлое; если день бывает пасмурный, они говорят, что солнце мылось лениво. У славян и литовцев солнце представлялось прекрасною богинею, которая ездила по небесному своду в золотой колеснице; утружденная дневным путешествием, запыленная земным прахом, она вечером погружалась в морскую купальню и поутру снова являлась ясною, светлолицою, исполненною свежих сил. По свидетельству литовской песни, две звезды Денница и Вечерница, отождествляемые в преданиях с утренней и вечерней зорями, прислуживали богине, и Вечерница подавала ей воду

для омовения. У малорусов существует поговорка: «солнце ся в море купает»^{*}. В народных русских сказках часто выводится героиней дева-Зоря или восходящее Солнце; ее называют Ненаглядной Красотою или царевною — золотой косой, непокрытой красой; она живет в золотом царстве, на конце света белого — там, где ясное солнышко из моря подымается, и сама плавает по морю в серебряной лодочке, гребя золотым веслом. В одной сказке ей придано название Марьи-Моревны, т. е. дочери моря; имя Марии указывает на смешение с Пречистою Девкою^{**}. Море, из недр которого как бы нарождается восходящее полу юное солнце, представляется и у других славян матерью дневно-го светила; когда ввечеру возвращается оно домой, мать принимает его в свои объятия и успокаивает сном на своих коленях. Царевна золотая коса у поляков слывет Cud-dziewica, а словаки называют ее krasna, slata или morska panna: она — дочь Morského krála, катается по морю в золотом челноке, блестящая красота ее так ослепительна, что на чудную деву нельзя взглянуть сразу, а надо мало-помалу приучить свои очи; иначе сомлеешь и сгинешь!^{***} Про эту сказочную царевну рассказывается у всех индоевропейских народов: в немецких сказках упоминается королева с золотыми косами, обитающая далеко за морем; венгерская сказка говорит о морской деве, которая выходит из глубины вод красного моря: каждое утро купается она в молоке, и тело ее получает от того такую нежность и прелесть, как будто бы она снова народилась на белый свет. Из одного источника с этими преданиями создались мифы: греческий — о рождении золотой Афродиты (Венеры) из морской пены и индийский — о рождении красавицы Лакшми, супруги Вишну, в волнах млечного моря. Афродита — собственно, богиня утренней зари или восходящего солнца^{****}.

^{*} «У нядзельку раненько совненько купалося». Один из заговоров, записанных Сахаровым, начинается этими словами: «выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского».

^{**} В сказке об Еруслане читаем: «есть на море солнечный город, и в том городе царствует царевна, а служащие у нее все девки».

^{***} Krasna panna рождает сына с солнцем во лбу, т. е. заря выводит солнце.

^{****} Под влиянием вышеобъясненной связи утренней зари со звездой Денницею этой последней дано было имя Венеры.

Но как утреннее солнце, выходя из морских волн, умывается росой, пробуждает сонный мир и блистает на небе своею чудною красотой (= розовыми красками зари) и золотыми косами (= лучами); так точно весеннее солнце, появляясь из-за туч и туманов, умывается в дождевых ключах, посылает ясные дни и призывает природу к жизни: ради этих аналогических явлений миф о купанье солнца в водах всесветного океана сливается с сказанием о купанье его в дождевых тучах, и богиня утренней зари становится дочерью облачного моря и получает характер владычицы весенних гроз. Согласно с уподоблением дождевых туч морю, ей дается название морской или водяной царевны; молоко, в котором она купается, есть метафора дождя: вот почему индийская Лакшми рождается из млечного моря, Афродита же — из морской пены, которая белизною своею напоминает молоко*. Богиня эта восстанавливает брачный союз неба с землею, дарует земле силу плодородия, убирает ее в роскошные наряды весны, и потому для греков она была идеалом красоты и любви. По другому поэтическому представлению, восходящее поутру солнце нарождается из недр Ночи, что опять сближается с мифом о рождении весеннего солнца из вод облачного моря; ибо ночная тьма издревле служила метафорическим обозначением для помрачающих небо туч. Солнцева мать, как олицетворение дождевого моря (= тучи), является в преданиях с тем же вещим характером, какой обыкновенно придается облачным женам (норнам, паркам, роженицам); в чешской сказке она названа судицею, а в польской она прядет золотую кудель. У литовцев сохранилось любопытное свидетельство, что Перкунова мать Perkuna tete («mater est fulminis atque tonitruū» = громоносная туча) купает усталое и запыленное солнце в мовнице и на следующий день отпускает его на небо чистым и блестящим. На Светло-Христово Воскресенье поляки собираются рано поутру смотреть, как выходит из купели весеннее солнце; чешские обрядовые причитанья, которые поются на этот праздник, упоминают о богине Весне, купающейся в кринице: «Lito, Lito, Lito! kdes tak dlouho bylo? — U vody, u vody ruce,

* Самая пена образовалась от плавающих в водах детородных частей Урана (= неба).

nohy mylo» или: «Velikonočko, Velikonočko!* Kdes tak dlougo bywala? — U studánky, u studánky ruce, nohy mywala». На Мораве это обращение делается к Пречистой Деве Марии, которая для суеверного народа заступила место древней Фреи, Гольды или Лады: «ej Maria, ej Maria! kdes tak dlougo byla? — U studánky, u radenky (?) jsem se umyvala, šatečkem, šatečkem jsem se utírala, zamečkem, zamečkem jsem se zamykala». На вопрос: где была так долго = во все зимнее время? — светлая богиня отвечает, что она пребывала в студенце, за крепким замком, т. е. скрывалась за темными тучами, окованными зимним холодом. По немецким преданиям, Гольда купается в прудах и озерах, и чтобы достигнуть ее блаженной обители — надо спуститься на дно глубокого колодца. В связи с этими верованиями стоит обычай сходитьсь в дни Светлой недели к колодцам и обливать друг друга водою. В прекрасном образе Морской царевны или Царь-девицы народные сказки сочетают представления о богине Зоре и богине-громовнице. Далеко — в стране вечного лета, в золотом дворце Царь-девицы, под ее изголовьем, хранится живая вода, или, по другому сказанию, вода эта точится с ее белых рук и ног; путь в страну Царь-девицы лежит через широкое море (= небо), а вход туда сторожит двенадцатиглавый змей, испускающий из своих пасть жгучее пламя (= демон-туча, старающийся утаить живую воду дождя). Малорусская сказка передает следующие подробности: юный королевич добывает Морскую царевну, старый король пленяется ею и рад хоть сейчас жениться, но красавица объявляет, что до тех пор не пойдет за него замуж, пока не достанут ей из моря самогральных гуслей. По приказу государеву королевич достал ей самогральные гусли; тогда она сказала королю: «не возьму с тобой слябу — иначе как с тем уговором, чтобы мой свадебный поезд был виден с моря!» А со стороны моря стояла высокая каменная гора и заслоняла собою все дальние виды. Королевичу отдан приказ разбить эту гору, и он исполняет задачу с помощью богатырского коня и могучей рыбы: конь начал бить гору копытами, а рыба толкать с исподу, и в короткое время сравняли ее с пологим берегом. Затем, по желанию Морской царевны, королевич приводит морских (или вилиных) кобыл, доит их

* От Velikonoče — Светлое Воскресенье.

и кипятит добытое молоко; в том молоке купается царица — и делается еще краше и милее, а король, окунувшись в горячее молоко, медленно умирает. В словацкой редакции вместо этого сказочный герой должен добыть живой и мертвой воды и достает ее с помощью воронов; Морская пани заставляет старого короля отрубить доброму молодцу голову и потом оживляет его живою водою, отчего тот становится и сильнее, и красивее. Увлеченный примером, и король подставляет свою голову под острый меч; но морская дева не захотела оживить старика и вышла замуж за доброго молодца. Вот смысл сказки: юный витязь-громовник, чтобы сочетаться с богиней весны, должен наперед овладеть самогральными гусями, т. е. начать грозовую песню, должен разбить облачные скалы, надоить молока небесных кобылиц, или попросту дождя, вскипятить это молоко в грозовом пламени и омыться в нем вместе с невестою-Солнцем; купаясь в дождевых ливнях, они обретают творческие силы, неувядаемую молодость и несказанную красоту и наделяют ими земную природу, а старый владыка — суровый царь зимы погибает под ударами громовой палицы. Известен еще другой малорусский вариант: сказочный герой Катигорошек разложил на морском берегу много дорогих товаров, в том числе и зеленые черевички; прельстилась этими башмачками Морская пани, поднялась из волн, приблизилась к берегу, а добрый молодец изловил ее и привез в свой дом. В угоду красавице он достает со дна моря, с каменного утеса, ее заветную скриню, полную жемчугов и кораллов (= летний убор богини, ее блестящие лучи, освобожденные из-за туч и туманов); потом пригоняет ей двенадцать морских кобылиц и жеребца и наконец отправляется за тридцать земель — туда, где ночует Солнце, чтобы разведать, отчего оно прежде восходило червонным, а теперь сделалось бледно? Герой пришел до господы (дома), где ночует Солнце, застал Солнцеву мати и пересказал ей, зачем явился; она посадила его под золотое корыто и велела прислушиваться. Когда царь-Солнце, обойдя небесный свод, воротился на ночь домой, то мать стала его спрашивать: «сыне мой! отчего ты прежде восходил червонным, а теперь восходишь бледным?» — «Оттого, мати, что прежде при моем восходе я встречал прекрасную Морскую пани, и как бывало взгляну на нее, так и покраснею: а теперь не вижу ее на море».

Г. Костомаров передает эпизод этот в следующей форме: ездил Ивас в терем Солнца, построенный над синим морем, и спрашивал: зачем оно три раза в день переменяется? Солнце отвечало: «есть в море прекрасная Анастасия; когда восхожу я утром, она брызнет на меня водою — я застыжусь и покраснею; в полдень, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божий мир — и мне станет весело; а вечером, когда захожу, Анастасия снова брызнет на меня морской волною — и я опять покраснею»^{*}. Очевидно, что Морская пани (названная в другом списке Анастасией) есть Зоря. Издревле солнце олицетворялось то в мужском, то в женском поле; из колебания этих представлений возник поэтический миф, раздвоивший единое светило на влюбленную чету, причем прекрасный образ девы-Солнца слился с олицетворением утренней и вечерней зари. Зеленые черевички, которыми пленилась Морская царевна, по объяснению г. Максимовича, есть символ майской зелени и еще ближе той красивой травы из семейства любковых (орхидей), которая цветет в мае и на Украине известна под именем черевичек, в великорусских губерниях под именем марьина башмачка, да и у ботаников издавна зовется *salceolus*; Линней придал ей родовое название, по имени Киприды, *Cypripedium*. Дорога к солнцу на небесную гору (*vrch*), по свидетельству чешских сказок, идет через море.

Уподобляя небо всесветному морю, предки наши не только в закате видели погружение солнца в морские воды, но и ночные светила, исчезающие с рассветом дня, по их мнению, скрывались в безднах океана. Сербы думают, что и солнце и месяц каждые сутки купаются в море, чтобы не утратить своего блеска. До сих пор употребительны выражения: луна выплывает из-за туч, месяц плывет по небу; подобные обороты встречаем и в немецком языке, и в связи с ними Шварц указывает на следы старинного представления молодого, двурогого месяца ладьею^{**}. Как древние греки (в эпоху Гомера) были убеждены,

^{*} Ср. со сказкою о Трёмсыне, рожденном от щучьего пера, который при помощи коня, родившегося от луски той же рыбы, добыл прекрасную Анастасию; Анастасия, плавая в ладье по морю, плескала водой в пламенное, влюбленное в нее Солнце.

^{**} О месяце на облачном небе в Исландии говорят, что он идет вброд между облаками.

что звезды выходят ночью из океана и потом, с восходом солнца, снова в него погружаются, так то же самое воззрение существовало и у славян, что свидетельствуется следующей загадкой о потухающих поутру звездах: «катился каточки по липову мосточку (мост = небесный свод), увидели зорю — пошли в воду», или «бегли овцы по калинову мосту, увидали зорю — покидались в воду».

Светло-голубое, блестящее небо лежит за облаками, или за дождевым морем; чтобы достигнуть царства солнца, луны и звезд, надо было переплывать воздушные воды. Таким образом, это небесное царство представлялось воображению окруженным со всех сторон водами, т. е. островом. С особенною наглядностью метафора эта выступает в русских заговорах — там, где говорится о чудном острове Буяне. Название «буян» (от слова буй), принятое позднее за собственное имя, первоначально было не более как характеристический эпитет баснословного острова; в некоторых уездах донине вместо «Буян-остров» произносят: «буевой остров». Буй служит синонимом слову яр, как это видно из замены этих речений одного другим в «Слове о полку Игореве»; оба слова совмещают в себе тождественные значения. Ярый, как объяснено выше, заключает в себе понятия: весенний, горячий, пылкий, раздражительный, страстный, плодородный, урожайный. Понятие весеннего плодородия заключается и в слове буй: глагол бують (Оренбур. губ.) — вырастать, нежиться («он буюл у батюшки», или в народной песне: «дерево кипарисовое, где ты росло, где буюло? Я росло на крутой горе, буюло против солнышка»); а прилагательное буйный, когда говорят о нивах, лугах и лесах, служит для обозначения, что травы и деревья растут высоко, густо и обещают богатый урожай (буйный лес, буйные хлеба, буйные ягоды, чешск., буйна пшенице, обили буйне). Отсюда объясняется следующее выражение в «Слове Даниила-заточника»: «дивья (диволи) за буяном кони паствити» (ср. с чешскою поговоркою: «nekdy i na bujnom poliu su koni chudi»), т. е. не диво пасти коней на тучных пажитях! Вообще же буйный (буявый) употребляется в смысле: дерзкий, наглый, неистовый (= яростный); бують — удаль, отвага, буйная головушка — отважная, смелая, буйные ветры — бурные, стремительные, буйная зима — резкая, студеная; болгары дают этот эпитет

и огню (буен оган)*. «Остров буян» — поэтическое название весеннего неба. Остров этот играет весьма важную роль в наших народных преданиях; чародейное слово заговоров, обращенное к стихийным божествам, обыкновенно начинается следующей формулой: «на море на окиане, на острове на Буяне», без чего не сильно ни одно заклятие. На острове Буяне сосредоточены все могучие силы весенних гроз, все мифические олицетворения громов, ветров и бури; тут обретаются: и змея, всем змеям старшая, и вещей ворон, всем воронам старший брат, который клюет огненного змея, и птица, всем птицам старшая и большая, с железным носом и медными когтями (напоминающая собой чудесную Стратим-птицу, всем птицам мать, что живет на океане-море и творит своими крыльями бурные ветры), и пчелиная матка, всем маткам старшая, т. е. на острове Буяне лежит громоносный змей, гнездится птица-буря и роятся пчелы-молнии, посылающие на землю медовую влагу дождя. От них, по мнению народа, как от небесных матерей, произошли и все земные гады, птицы и насекомые. По свидетельству заговоров, на этом же острове восседают и дева Зоря (= не только весеннее солнце, но и богиня-громовница), и пророк Илья (= Перун): «на море на окиане, на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем». Сюда обращался древний славянин с своими мольбами, упрашивая богов, победителей Зимы и создателей летнего плодородия, исцелить его от ран и болезней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту. Выше мы видели, что небо называлось хрустальной или золотой горою; поэтому один из списков «Сна пресв. Богородицы» начинается так: «на горе на горюне (от слова гореть), на горе на Буяне». Так как весеннее небо есть хранилище теплых лучей солнца и живой воды, которые дают земле плодородие, одевают ее роскошной зеленью и цветами и водворяют на ней новую счастливую жизнь, то фантазия сочетала с ним представление о рае или благодатном царстве вечного лета. Метафорический язык народных загадок называет раем водные

* Соответственно слову яр — обрывистый берег реки, место, доступное действию ветров; буян в некоторых областных наречиях означает открытое, возвышенное место.

источники: «два братца (= ведра) пошли в рай (вариант: в воду) купаться», что указывает на древнейшую связь идеи рая с небесными, дождевыми колодцами. Предания помещают рай на блаженных или счастливых островах. Выше указано другое воззрение, следуя которому восток, как страна, откуда восходит воскресающее поутру солнце, признавался царством творческих, плодотворящих сил = раем, тогда как запад почитался страной мрака и бесплодия = адом. По аналогии утреннего рассвета с весенним просветлением неба после грозы, а темной ночи с зимними облаками и туманами блаженные острова отнесены были на восток. Старинный англосаксонский памятник, сообщающий различные космогонические предания в форме беседы царя Соломона с Сатурном, задает вопрос: «где бывает по ночам солнце?» и отвечает: «на том острове, где пребывают души в ожидании суда», или по другому списку: «оно сияет в стране, называемой Glidh, где покоятся души св. мужей». Название Glidh означает страну блестящую = то же, что Glasberg (гора-небо, лежащая по ту сторону великих вод) или Gladhsheimr (Glanzheim, Wonneland). На Руси ходит сказание о блаженных островах Макарийских (μαχαριος — beatus), где реки медовые и молочные, а берега кисельные; по указанию старинных апокрифов, райские реки текут млеком, вином и медом; о летних облаках простолюдины рассказывают, что они падают иногда на землю, и те, которым удавалось это видеть, принимали их за кисель. Мед, молоко и вино — метафорические названия дождя; ниспадая на землю, дождевые ливни производят топкую грязь, которая в областных говорах называется кисель, киселица. Лубочная карта, известная под заглавием: «Книга, глаголемая Козмография, переведена бысть с римского языка», представляет круглую равнину земли, омываемую со всех сторон рекою-океаном; на восточной стороне означен «остров Макарийский, первый под самым востоком солнца, близ блаженного рая; потому его тако нарицают, что залетают в сий остров птицы райские Гомаюн и Финикс и благоухание износят чудное... тамо зимы нет». В Средние века создалась басня, что Александр Македонский во время похода своего на восток доходил до Макарийского острова. В древнеславянском переводе Мефодия Патарского читаем: «Александр Македонский сниде до моря, нарицаемого Солнечно страна, иде и виде

нечисты языки и скверны». Нестор вставил это свидетельство в свою летопись: «якоже сказаеть Мефодий Патарийский: и взиде (Александр Македонский) на восточныя страны до моря, наричаемое Солнче место, и виде ту человеки нечистыя (= демоны, великаны)... и загна их на полунощные страны в горы высокия (горы = тучи), и Богу повелевшю сступишася о них горы полунощныя»*. Очевидно, предание о Макарийском острове, лежащем на восточной стороне всесветного океана, где царствует Солнце и цветет вечная весна, есть предание античное; древние греки знали остров Эю, омываемый океаном: там чертог Зори (Эос) и место ее пляски, оттуда поутру восходит светлый Гелиос**. От греков предание это чрез посредство переводных хронографов перешло к нам, и притом уже в средневековой переделке, когда старинные сказания о Солнцевой стране составили один из эпизодов похода Александра Македонского в Индию и когда воспоминание о борьбе бога-громовника с демонами-тучами спуталось с подвигами этого любимого героя, победителя отдаленных народов. Тем не менее

* Новгородский летописец, по случаю моровой язвы 1352 года, замечает: «нецыи реща: той мор пошел от индийския страны — от Солнца-града», что сходится с греческим поверьем о моровой язве, посылаемой стрелами разгневанного Аполлона.

** Следы того же представления встречаем и в других мифах античного мира. Так, Эол, бог ветров и вихрей, властвовал на плавучем острове Эолии; о Гефесте рассказывается, что он завел свои кузницы на одном из Липарских островов и ковал там Зевсовы молнии; о рождении Аполлона из древнейших преданий известно, что мать его (Leto) прибыла из страны гипербореев на плавучий остров Делос в виде волчицы, сопровождаемая стаею других волков. Посейдон остановил подвижной остров, и богиня разрешилась на нем двумя близнецами: Артемидою и Аполлоном, который тотчас по рождении был обмыт нимфами в водах и вскормлен нектаром и амброзией; когда ему минуло пять дней — под его стрелами, полученными от Гефеста, пал страшный Пифон. Значение мифа ясно: зимнею порою солнце и луна скрыты за темными покровами снежных облаков и туманов, или, выражаясь мифическим языком: они облакаются волчьими шкурами и скрываются в холодных странах гиперборейских; весною же благодаря действию гроз туманные завесы снимаются, светлый Аполлон выходит из недр мрака, или, что то же, — рождается матерью-волчицею, омывается в дожде и, упиваясь этим бессмертным и всеильным напитком, разит молниеносными стрелами дракона (= демона зимы и туч). С затемнением смысла старинных метафор, мифы, по общему закону их развития, приурочиваются к известным местностям: бог-громовник, ковац молниеносных стрел, водворяется на островах Лемносе и Липарском, а эпитет Аполлона δῆλιος = светлый дает повод связать басню о его происхождении с Делосом.

указанные свидетельства памятников не совершенно чужды славянам; напротив, они потому и проникли в простонародье, что согласовались с его собственными воззрениями, вынесенными из первоначальной родины всех индоевропейских племен. У чехов сохранилось поверье, что у Солнца есть свое царство за морем, что там — вечное лето и что оттуда прилетают весной птицы и приносятся на землю растительные семена. С этим поверьем тесно связывается малорусское предание о выреи: это теплая страна, лежащая далеко на востоке у самого моря, куда скрываются на зиму птицы, насекомые и гадюки и откуда являются они с началом весны. В поучении Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья идуть... да наполнятся леси и поля»^{*}. С началом осени (14 сентября) журавли, стрижи, касаточки и другие птицы улетают, по мнению крестьян, в вырей (вирий), на теплые воды, или прямо на небо; рассказывают еще, что ласточки, сцепившись одна с другою ножками, прячутся от зимы в криницах, реках и озерах. Тогда же гадюки и змеи лезут в вырей по деревьям, подобно тому, как и души усопших прежде, нежели достигнут страны блаженных, осуждены порхать по деревьям. Светлое «небесное царство» (Gimill скандинавской мифологии = himmel, жилище светлых эльфов) находится по ту сторону облаков, которые издревле сравнивались с водными источниками и ветвистыми деревьями, растущими в воздушных пространствах; германцы называют это царство Sonnenland и Engelland: сюда, по их рассказам, улетают на зиму птицы, здесь обитают души и отсюда приносятся на землю зародыши всякой жизни — семена растений и души новорожденных. С окончанием зимы следует возвратный прилет птиц: 9 марта прилетают из вырия жаворонки, а 25-го числа (на Благовещенье) — ласточки; в малорусской песне сокол жалуется:

*Бидна ж моя головонько,
Що я рано з' выр'я вийшов,
Що по горох снега лежать,
По долинах воды стоять.*

^{*} В народной песне поется: «Лес ты мой, лес, зелен, невесел! Некому тебя разве-селить; Что были пташечки — в ирей полетели».

Как обыкновенные птицы и гадюки исчезают поздней осенью из полей и лесов: первые удаляясь в теплые страны, а последние предаваясь оцепенению (зимнему сну) в своих норах, так и мифические птицы и змеи, в образе которых фантазия олицетворяла творческие силы весенних гроз, скрываются на зиму в колодцах-тучах, окованных холодом, или замыкаются в царстве вечного лета. По русским поверьям, кукушка и сизая галочка хранят у себя райские ключи или ключи от вырия; с их прилетом пробужденный Перун отпирает небо и низводит на землю плодотворное семя дождя, откуда возник миф о семенах, приносимых из райской страны на крыльях весенних ветров и рассеиваемых по всей земле. И комары осенней порою уносятся ветрами на теплые моря, а весной снова приносятся на Русь. Райская страна, как представление, снятое с весенней природы, роскошно убранной в зелень и цветы и озаренной яркими лучами солнца, изображалась вечнозеленым садом с золотыми и серебряными плодами или вечно цветущим лугом. Слова рай, лит. *rojus*, греч. *παράδεισος*, лат. *paradisus*, фр. *paradis*, исп. *paraíso* — всюду служат для обозначения сада, и многие живописные, цветущие местности в немецких и славянских землях получили названия рая, парадиза. Словаки и хорутане рассказывают, что рай есть чудесный неувядаемый сад, находящийся во владениях бога света, где праведных ожидает бесконечное наслаждение; по свидетельству русских легенд, рай насажден у небесной криницы, «а над тею крыныцею и скрыз там такия разнии, прихорошии, пахнючии цвитки та ягоды, яблуки, хвыги, мындалы, розынки (виноград) и всякая овощь, а птыци так хороше спивають та щечечуть, що-й сказаты не можно». В том же весеннем убранстве рисуется народному воображению и пырей — название, вероятно, родственное с лат. *viretum* (местность, покрытая зеленью), которое у Вергилия употреблено в смысле рая^{*}; в областных говорах вырѣц (Вятск. губ.) значит: цветник, купина, куртина цветов; вырчик (Волог. губ.) — рассадник, срубец на столбах для посева капусты^{**}. Так как рай

^{*} *Devenere locos laetos et amoetia vireta fortunatorum nemorum sedesque beatas.*

^{**} В Курской губ. пырей означает жаворонка, как предвестника весны; в Твер. губ. вырѣй — колдун, вырить — нашептывать, ворожить. На острове Эе обитала хитрая волшебница Кирке.

признавался жилищем праведных, местом успокоения их по смерти, то при имени «Буян-остров» в нашем языке стоят родственные слова, означающие кладбище: буй и буйвище — погост, место около церкви, обнесенное оградой, где в старину погребались умершие; буюво — кладбище. По указанию Гомера и других древних писателей, души избранных героев препровождались Гермесом чрез океан (= небо) к Солнцевым вратам — на счастливые Елисейские поля (Elysion), лежащие на «блаженных островах»: боги наделили страну эту чистейшим воздухом и постоянным изобилием плодов; ее вечно зеленеющие луга и рощи, орошаемые серебристыми реками, оглашаются пленительным пением птиц; там не бывает ни зимы, ни метелей, ни ливней, ни холода; веет только кроткий зефир, и сладостно, незаметно пробегают беспечальные дни блаженных. Греческому Элизию соответствует скандинавская Валгалла (Valhöll)*, где властвует могучий Один, в сообществе с Тором, и куда валькирии приводят всех витязей, сраженных в бою (auf der wahlstätte); Один принимает их как своих детей, и потому усопшие герои назывались oskasynir (усыновленные). Посреди Валгаллы стоит чудесное дерево, тождественное по значению с мировой ясеню (= тучею) и с мокрецким (= дожденосным) дубом острова Буяна. Эта блаженная обитель предназначена одним добродетельным и храбрым; для нечестивых и трусов она закрыта; водворенные здесь герои проводят время в непрерывных веселых пирах, упиваясь бессмертным напитком — медом (= дождем). Место, на котором построен золотой град Валгаллы, называется Gladhsheimr, что означает жилище, исполненное не только радости, но и блеска. До сих пор под выражениями freudensaal и freudenthal разумеют «небо», в противоположность земле, «печальной юдоли» (jammerthal) смертных. «Небо героев», известное в индийской мифологии, есть та священная гора-небо, на которую, по славянским и литовским поверьям, должны взлезать души усопших, то селение праведных, которое принято у нас называть «царством небесным». Там, при верховном божестве небесного свода (Варуне), под сению густолиственного дерева, обитают

* Слово, стоящее в связи с прозванием Одина — Valfodhr и с именем подвластных ему воинственных дев — валькирий (valkyrien).

души предков (pitris) с их царем Yama, собирателем всего человеческого рода. Предание это в памятниках средневековой литературы слилось с рассказами о браминах; в упомянутой выше «Книге, глаголемой Космография» описывается страна блаженных рахманов (брахманов), которые не ведают неправды, ни естественных нужд и живут без трудов и печали: «страна — рахманы нагие — под самым востоком солнца, и царя имеют у себя... житие их таково: одеваются лиственным древяным садовым и от того овощем питаются, и жены имеют, а риз и скота и хлеба не имеют, ни градов, ни войны не имеют же... Да тут же под востоком солнца есть место, где исходят великия четыре реки райския». Те же басни занесены и в старинные сказания о походе Александра Македонского в Индию. Из приведенных данных нетрудно понять, почему Буян-остров называется в наших заговорах святым и божьим*.

Народные заговоры, сохранившие так много древнейших поэтических выражений, знают мифический алатырь-камень и ставят его в тесной, неразрывной связи с Буяном-островом. Принимая в соображение объясненное нами значение этого острова и общерийское представление солнца драгоценным, огненным камнем, мы убеждаемся, что алатырь-камень есть, собственно, метафора ясного весеннего солнца. Лежит он на океане-море или на острове Буяне и обозначается постоянным эпитетом бел-горюч, т. е. плавает по воздушному океану-небу, и хранится в райской области, в царстве вечного лета; эпитет «бел-горюч» заменяется иногда выражением: кип-камень (от глагола кипеть)**. На этом камне восседает красная дева Зоря: «на море = на окиане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень алатырь; на том камне сидит красная девица» и зашивает раны кровавые. О розовой пелене Зори, расстилая которую богиня утра просветляет мир и призывает его к жизни, заговор выражается: «твоя фата крепка, как горюч камень-алатырь»; о самом же алатыре

* «Пошла я (имярек) к окиан-мору на свят остров».

** В народной песне муж при разлуке с женою говорит ей: «гляди, жена, на синё море: что повыстынет бел-горюч камень, тогда я домой буду!» — выражая этими словами безнадежность на свое возвращение.

сказано: «под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы конца нет». Именем этого камня скрепляется чародейное слово заклинателя: «кто камень-алатырь изложет (дело — трудное, немислимое), тот мой заговор превозможет». Весьма вероятно, что с этим уподоблением солнца белому, горячему камню уже в глубокой древности сливалось общераспространенное представление грозового облака скалою или камнем*. Такое слияние тем легче могло совершиться, что богиня утренняя Зоря и богиня-громовница олицетворялись в едином образе, что дневной свет и роса, приносимые первою, сближались с весенним просветлением неба и дождями, даруемыми второю. В приложении к камню-облаку эпитет «бел-горюч» мог указывать с одной стороны на заключенное внутри этого камня грозное пламя, а с другой — на белоснежные и розовые цвета, какими окрашивают облака яркие лучи весеннего солнца. С возвратом весны пробуждается бог-громовник и, ударяя своею палицей по камню-туче, высекает из него молниеносные искры, разводит пожигающее пламя грозы** и заваривает чудодейственный напиток живой воды (дождя); то же пламя добывает он и трением своей палицы о солнцезовое колесо. Вот почему на алатыре-камне пребывает не только богиня Лада, в христианской замене ее Богородицею, чувствуемой в народе прозваниями громницы и огненной Марии, но и сам Перун, подставляемый обыкновенно Ильею-громовником, и его спутники — духи весенних гроз, под именем божьего воинства или небесных сил (святых угодников и ангелов). Приведем свидетельства народных заговоров: «встану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь... под восточную сторону к окияну-морю, на свят божий остров; на этом острове лежит алатр-камень, а на камени стоит Мати пречистая Богородица. Прошу и молю, пречистая Божия Мать, усердно своими горькими слезами: заступи обо мне, рабе божьем, отгони злую лихомонку за тридевять земель». — «Пойду под восточную сторону к окияну-морю; на окияне-море стоит божий

* В Сибири камень означает утес, скалу.

** «В одном заговоре духи идут на море зажигать горюч камень; в другом его хотят распилить и вынуть из него палящий и гулящий огонь».

остров, на том острове лежит бел-горюч камень алатр, а на камени святой пророк Илия с небесными ангелами. Молюся тебе, святой пророче божий Илия! пошли тридцать ангелов в златокованом платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от имярека уроки и призоры и притки». — «На море-окияне лежит бел-алатр-камень, а на камени сила небесная. Подойду я поближе, поклонюсь пониже: силы небесные! пошлите свою помощь и силу на наш скот милый живот — в чистое поле, в зеленые луга, в темные леса». Подновление в христианском духе замечается не во всех заклитиях; в некоторых заговорах обращения делаются к неведомому стрельцу и красной девице Зоре, а не к Илье-пророку и Богородице: «в окиан-море есть алатырь-камень, на том камне стоит человек, он стреляет по чисту полю, убивает всякие боли»; затем следует мольба, чтобы стрелец этот защитил своими стрелами от сглаза, недугов и очарования. Согласно с представлением облаков подвижными, ходячими камнями, народная загадка отличает алатырь от обыкновенных скал, твердо прикрепленных к земле, как бы коренящихся в ее утробе. «Что растет без корню?» — спрашивает загадка и отвечает: бел-горюч камень. Весьма знаменательно свидетельство стиха о голубиной книге, что из-под этого камня текут источники, дающие всему миру пропитание и целение, т. е. живая вода дождей, воскрешающая природу и дающая земле урожай:

*Белый латырь-камень всем камням отец,
Почему же ён всем камням отец?
— С-под камешка, с-под белаго латыря
Протекали реки, реки быстрый
По всей земле, по всей вселенную(-ной),
Всему миру на исцеление,
Всему миру на пропитание.*

Это те же райские реки, которые бьют живыми ключами из-под корней мирового дерева-гучи. Старинная былина о Василье Буслаеве, смелость которого не хотела знать никаких преград, воспевает, как этот богатырь тешился со своею дружиною; говорит Василий: «дружина

моя храбрая! скачите через бел-горюч камень». Дружинники перескочили три раза; начал скакать сам богатырь:

*Раз скочил и другой скочил,
А на третий говорит дружине хоробрыя:
«Я на третий раз не передом, задом перескочу!»
Скочил задом через бел-горюч камень,
И задела ножка правая,
И упал Васильюшка Буслаевич
О жесток камень своима плечмы богатырскимя.*

По указанию другого списка: расколел он свою буйну голову и остался лежать тут до веку. То же предание излагает и народная сказка с любопытной заменой камня-алатыря морской пучиною. Поплыл Василий Буслаевич через море к зеленым лугам; тут лежала Морская пучина — кругом глаза; стал он вокруг ее похаживать, сапожком ее попинывать. «Не пинай меня, говорит Пучина, и сам тут будешь!» Расшутились тогда рабочие люди Васильевы и стали скакать через Пучину; все перескочили, а Василий прыгнул и задел ее пальцем правой ноги — да тут и помер*. В этом поэтическом сказании о смерти сильного богатыря скрывается миф о гибели громовника (молнии), утопающего в дождевом море туч; удары, которым он подвергается, обыкновенно разят его в ногу. В настоящем случае для нас особенно важно то, что в этих различных вариациях одной темы бел-горюч камень, из-под которого (как мы видели) льются целые реки, заменяется равносильною ему метафорою, представляющею дождевую тучу — морскую пучиною. Народный русский эпос олицетворяет эту пучину и заставляет ее жадно взирать на витязя своими несчетными очами: образ, достойный великого художника, напоминающий греческий миф об Аргусе. На древние предания о славном камне-алатыре в христианскую эпоху были наложены черты, заимствованные из нового вероучения, что прямо указывает

* Ср. с эпизодом другой сказки, как скачут богатыри на конях через сине море; двое из них пали посеред моря и были проглочены змеем.

на то священное значение, какое придавалось ему в язычестве. Так как имя Петр означает камень и так как евангельское слово выражается о Петре-апостоле: «ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою, и врата ада не одолеют ей» (Матф. XVI, 18); то народная фантазия создала следующее мистическое сказание. «Почему бел-латырь-камень мать всем камням?» — спрашивает один из вариантов стиха о голубиной книге и отвечает:

*На белом латыре на камени
Беседовал да опочив держал
Сам Иисус Христос, царь небесный,
С двенадцати со апостолам,
С двенадцати со учителям;
Утвердил он веру на камени:
Потому бел-латырь-камень камням матери!*

В народных заговорах читаем: «на окияне-море лежит кип-камень, на том кип-камне стоит апостольская божья церква за тремя дверями, за тремя замками... В божьей церкви стоит престол, на том престоле сидит госпожа святая-пресвятая Богородица... Миколай-угодник, Илья-пророк, Егорей Храбрый, Михайло-архангел, Петр и Павел и все святые святители». — «Под восточной стороной есть окиян-синее море, на том окияне на синем море лежит белолатырь-камень, на том белолатыре-камне стоит святая золотая церковь, во той золотой церкви стоит свят золот престол, на том злате престоле сидит сам Господь Иисус Христос, Михаил-архангел, Гавриил-архангел...» и т. д. Ниже мы увидим, что на апостола Петра, как хранителя ключей царства небесного, было перенесено древнее представление о богегромовнике, отпирающем в весеннюю пору золотым ключом = молнией облачные скалы, за которыми скрывается пресветлый рай. В этом раю (= в светлом, заоблачном небе) почивают в зимний период праведное солнце и все творческие силы лета; как седалище и обитель бессмертных богов, небесный свод издревле представлялся царственным тронном и куполом храма. Взамен райских потоков позднейшая обработка мифа полагает бел-горюч камень алатырь на реке Иордане.

Слово алатырь, по самой загадочности своей, должно быть весьма древнего происхождения, и должно думать, что оно не прежде будет разгадано, как по возведении его к санскритскому корню. Попытки, сделанные для объяснения этого названия, до сих пор были неудовлетворительны. Покойный Надеждин в алатырь-камне подозревал янтарь (литов. *gintaras*, нем. *bem-stein = brenn-stein* от *brennen* — гореть), который своею сгораемостью, красноватым или желто-белым цветом и добыванием из морских волн представляет признаки, сходные с теми, какие придаются мифическому камню; самое слово алатырь (Алатр, алабырь, латырь) он признавал за переделку греческого ἤλεχτρον, лат. *electrum* — янтарь*. Но то, что рассказывается на Руси о могучем алатыре-камне, не представляет ничего тождественного с греческими преданиями, касающимися янтара. Как отвердевший древесный сок, янтарь у греков был эмблемою слез, проливаемых лесными (= облачными) нимфами, или росы и дождя, падающих с дерева-тучи; согретое солнечными лучами, дерево это роняет золотые слезы, которые превращаются в светлые, прозрачные куски янтара, а мифический поток Eridanos уносит их в океан (см. сказание о сестрах Фаэтоне**). Греки и римляне дорого ценили янтарь, как целебное средство от болезней, и носили его в амулетах. Видеть в алатырь-камне не более как заимствованное у греков название янтара решительно нет оснований. Русские народные предания соединяют с алатырем понятие чудесного «неведомого»*** камня, и нигде ни в памятниках, ни в областных говорах янтарь не называется этим именем. Если бы даже было доказано сродство русск. алатырь с греч. ἤλεχτρον, и тогда выводы должны опираться на первоначальном, основном значении общего для них корня; ἤλεχτρον означает, собственно, светозарный, сияющий: «*electrum appellatum quoniam sol*

* Даль склоняется к тому же мнению: «алатырь — вероятно, янтарь, греч. элек-трон, переделанное на татарский лад»; но почему же на татарский лад? Форма «алатырь» вовсе не исключительная в славянском языке (ср.: богатырь, упырь, пустырь), да и всякий народ переделывает чуждые, заимствованные им слова не иначе как в духе родного языка.

** Ср. со сказаниями о золотых и бриллиантовых слезах богини Зори.

*** Заговор: «на море на океане есть бел-горюч камень алатырь, никем неведомой».

vocitatus sit ἡλέχτωρ». Стих о голубиной книге, в одном из многих своих вариантов, говорит: среди моря синего лежит латырь-камень;

*Идут по морю много корабельщиков,
У того камня останавливаются;
Они берут много с него снадобья,
Посылают по всему свету белому.*

Надеждин приводит это место, как указание на торговлю янтарем; мы же думаем, что означенные стихи заключают в себе тот же смысл, что и стихи о реках, текущих из-под белого алатырь-камня «всему миру на исцеление»; снадобьем народ называет лекарство*.

Так как идея рая у народов языческих заимствована от цветущей, щедрой на дары летней природы и так как за летом следует губительная, всемертвящая зима, с которой связывается миф о кончине мира, а за нею с новой весной опять воскресает земная жизнь, то отсюда возникло двойственное представление о рае. Во-первых, раем называется та счастливая страна минувших веков, в которой обитали первые, еще невинные люди, не зная никаких трудов и горестей, и которую утратили они под влиянием нечистой демонической силы (= зимы); во-вторых, это — будущее царство блаженных, которое явится по кончине вселенной, когда ветхое небо и греховная земля очистятся и обновятся всемирным пожаром и потопом (т. е. весенними грозами и ливнями). В этом обновленном царстве, украшенном неувядаемыми цветами, полном неиссякаемого плодородия, боги (по сказанию Эдды) обретут свои золотые столы и вслед за тем водворится общая беспечальная жизнь. Вера в грядущий рай стоит в теснейшей связи с преданием о былом золотом веке, когда люди пользовались невозмутимым счастьем, когда реки текли для них

* У берегов Ледовитого моря куски янтаря называются морским ладонем, но нам неизвестно, чтобы на Руси соединяли с ними целебные свойства, и чтобы носили их в ладонках. Другое объяснение, еще менее удачное, предлагает г. Гуляев: по его мнению, алатырь — алебастр (греч. ἀλαστρος, нем. alabasterstein, фран. albatre); но и с алебастром не соединяет народ наших никаких суеверных преданий и ни в одной местности слово алатырь не принимается для его обозначения.

млеком и медом, а деревья приносили им плоды, дающие молодость и бессмертие.

Начало весны, эта благодатная пора восстания природы от зимней смерти, совпадает с христианским праздником Воскресения Христова; а потому в народе существует убеждение, что на Светлой неделе открывается рай, и открытые двери его делаются доступными для всех усопших в эти святые дни: умереть на «велик день» почитается за особенную милость божию, ибо отшедшая душа непременно наследует царство небесное. Весеннее полноводие есть самый легкий и удобный путь для того таинственного корабля, на котором перевозятся тени усопших в блаженные обители рая.

Одновременно с представлением неба воздушным океаном поэтическая фантазия стала сближать носящиеся по нем облака и тучи с рыбами^{*}. Следы такого сближения находим в народных сказках. «Был у мужика (повествует русская сказка) мальчик-семилеток — такой силач, какого нигде не видано и не слыхано! Послал его отец дрова рубить; он повалил целые деревья, взял их словно вязанку дров и понес домой. Стал через мост переправляться, увидала его морская рыба-кит (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всем как есть — и с топором, и с деревьями. Мальчик и там не унывает, взял топор, нарубил дров, достал из кармана кремь и огниво, высек огня и зажег костер. Невмоготу пришлось рыбе: жжет и палит ей нутро страшным пламенем! Стала она бегать по синю морю, во все стороны так и кидается, из пасти дым столбом — точно из печи валит; поднялись на море высокие волны и много потопили кораблей и барок, много потопили товаров и грешного люду торгового; наконец прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берег да тут и издохла. Четверо суток работал мальчик топором, пока прорубил у ней в боку отверстие и вылез на вольный белый свет».

^{*} По быстроте движения облака и тучи могли быть сравниваемы не только с конем и птицею, но и с рыбою. Названия, данные рыбе в санскрите, указывают на ее быстроту, легкую подвижность; то же основное понятие, по мнению Пикте, заключается и в словах: а) лат. *piscis*, гот. *fisks*, англос. *fisc*, сканд. *fiskr*, др.-нем. *fisk*, кельт. *rysq*, *pesk* от снк. корня *pis*, *pês-ire*, *pêsvara* — подвижной, скорый; б) слав. рыба от снк. корня *rab*, *ramb* или *rabh*, откуда *rabhas* — быстрота, беглость.

Смысл этой басни раскрывается из сравнения ее с другими эпическими преданиями, тождественными с нею по значению, но представленными в иных поэтических образах. Чудовищная морская рыба есть громоносная туча, плавающая в воздушном океане, а мальчик-семилеток, который, сидя в ее утробе, высекает огонь и разводит страшно дожигающее пламя, принадлежит к породе мифических карликов, обитающих в облачных пещерах и приготавливающих там на сильном огне кузнечных горнов молниеносные стрелы. Семь зимних месяцев он пребывает в покое, или, выражаясь эпически: семь лет он растет и собирается с силами; но когда исполнится семилетний срок, т. е. с приходом весны — заявляет свою богатырскую мощь. Подобно Перуну, он вызывает грозное пламя ударом кресала о камень; подобно Перуну, он вооружен топором, которым и прорубает себе дверь из мрачной темницы = тучи, и пребывание его в рыбе так же тяжело для этой последней, как пребывание мальчика-с-пальчик в брюхе волка (волк — туча, мальчик-с-пальчик — молния). Приведенному эпизоду русской сказки соответствует песня Калевалы о великане Випунене: славный чародей, сын громовника Укко, он покоился в могиле в глубоком, мертвом сне. Могучий Вейнемейнен пронзил его железным колом; Випунен просыпается от боли, разевает свой громадный рот и проглатывает обидчика. Очутившись неожиданно в желудке великана, словно в мрачной и просторной тюрьме, Вейнемейнен устраивает там кузнечный горн, из рукавов своей одежды делает мехи, разводит огонь и начинает работать молотом; стучит, гремит, пламя раздувает — дым валит вверх столбом, искры так и сыплются во все стороны. Не стало великану покоя ни днем, ни ночью, горячие уголья и осколки жгли ему горло и всю внутренность; напрасно старался он помочь себе колдовскими песнями и заклинаниями, напрасно взывал: «неужели я не похож на отца, который может прогонять всякое зло? неужели не похож на брата, властителя небесных облаков? Укко, близкий сосед громовых туч! дай мне свой огненный меч, дабы я мог наказать им этого негодяя». Чтобы заставить хитрого врага удалиться, Випунен должен был смириться и передать ему всю свою мудрость. Основа финского предания та же, что и в русской сказке: великан-туча лежит неподвижно,

окованный зимнею стужею; Вейнемейнен, бог весенних гроз, пробуждает его от сна ударами железной палицы и кузнечного молота, т. е. разящими молниями; чародейные песни и заклятия великана суть метафоры завывающей бури и громовых раскатов. Калевала передает миф о похищении огня рыбою. Когда владелица мрачной Похьиолы скрыла солнце и месяц в медную гору (= за густые туманы), то боги гроз: владыка ветров, вещей певец Вейнемейнен и кузнец Ильмаринен, желая даровать миру новый свет, взошли на небо, высекли огонь (= молнию) и вручили его воздушной деве; она держала огонь в длинном облаке и, будто младенца в колыбели, качала его туда и сюда и баюкала; скрипели серебряные ремни, звучала золотая колыбель, и гнулась небесная кровля. Но вот неосторожная дева уронила огонь; рассыпаясь искрами, он упал в море, вскипятил воды и озарил их блеском. Это море — воздушный океан, в котором плавают облака-рыбы. Здесь проглатывает огонь щука^{*}; чувствуя внутри жгучую боль, она шумно носится по водам и бросается из стороны в сторону. Тогда начинается лов щуки = поэтическая картина грозы. Как, по другому мифическому представлению, гроза уподоблялась охоте за чудесным вепрем, так в настоящем случае она уподобляется рыбной ловле. С помощью карлика боги успевают изловить щуку в закинутые сети; но никто не осмеливается взять ее голыми руками. «Я бы распластал эту рыбу, сказал Солнцев сын (Paiwan poika), если б у меня был большой нож — крепкое железо!» — и в ту же минуту падает с неба нож, из облаков крепкое железо, с золотым черенком, с серебряным лезвием (= молния). Как скоро взрезана была щука — из нее покатился синий клубок; из синего клубка явился красный, а из красного клубка — огонь. Эта последняя подробность сходится со свидетельством севернонемецких саг, что грозовые духи скатываются с облачных гор в виде огненных клубков. Из недр тучи-рыбы огонь-молния вырывается на свободу и начинает свое опустошительное действие: он опалает бороду старого Вейнемейнена и ланиты Ильмаринена, пожигает и воды, и землю, пока

^{*} Собственно, огонь пожирается сигом (schnSpel), сига глотает лосось (lachsforelle) и в свою очередь становится добычей щуки.

наконец не был приостановлен морозами Похтьиолы. Еще любопытнее сказание Эдды, изображающее грозу как лов громоносной рыбы небесными богами. Когда асы, раздраженные смертью Бальдура, задумали отомстить лукавому Локи, то этот бог, представитель грозового пламени, поспешил удалиться внутрь горы (= облака); там он устроил себе жилье о четырех дверях, чтобы можно было наблюдать во все стороны; в случае опасности он превращался в семгу и прятался в глубине водопада (Franangr). Однажды, когда Локи сидел дома и плел рыболовную сеть, показались невдалеке асы; завидя их, он бросил свою работу в разведенный перед ним огонь, а сам в виде рыбы скрылся в водопаде. Асы вошли в гору, мудрый Квасир узнал по пеплу, чем занимался Локи, и рассказал про то асам; они тотчас принялись за подобную же работу, изготовили сеть и закинули ее в воду. Тор держал за один конец, а остальные боги тянули за другой; Локи был пойман и осужден на заточение. По индийскому преданию, Агни, некогда скрывшийся в воду, был предан рыбою и тогда же изрек на нее проклятие, чтобы она вечно была преследуема ловцами; а греки рассказывали о Гефесте, что сброшенный с неба, он был принят богинями вод Евриномою и Фетидою, из которых первая представлялась в Аркадии в рыбьем образе.

Плодотворяющая сила, принадлежащая весенней, дождевой туче, составляет одно из существенных свойств, соединяемых со всеми ее олицетворениями; тою же силою наделена и мифическая рыба — тем более что в самой действительности рыба не могла не обратить на себя внимания своею необыкновенною плодучестью, обилием бросаемой ею икры. Народные сказки упоминают о чудесной рыбе, дающей бытие сказочным богатырям. У царицы не было детей, чтобы удовлетворить ее сердечному желанию иметь сына, закидывают в море шелковый невод, сплетенный мальчиками и девочками — семилетками, и ловят рыбу, которой нередко присвоится эпитет золотой. Рыба поймана, изготовлена на кухне и съедена царицею; остатки обглаживает кухарка, а помой выпивает корова^{*},

^{*} По другим вариантам: бык, кобыла, кошка или собака — зооморфические олицетворения туч.

и от того самого понесли они плод и одновременно родили трех сыновей: Ивана-царевича, Ивана-кухарчонка и Ивана — коровьяна сына; выросли три молодца и стали могучие богатыри: подвиги, совершаемые ими, указывают в них сказочных представителей Перуна и его грозных спутников. В сербских песнях говорят королю вилы:

*Да сакупи будимске девојке,
Да донесе много сухо злато,
Да саплете ону ситну мрежу,
Ситну мрежу од сухога злата,
Да је баџи у тихо Дунавo,
Да увати рибу златнокрилу,
Да јој узме оно десно крило,
Опет рибу у воду да пусти,
Крило да да госпоиh крал(ь)ици —
Нек изеде оно десно крило,
Иеднак ђе му трудна заходити*.*

Король последовал совету вил, и королева родила ему змея (= демонна громоносной тучи). Как семя дождя, низведенное тучею на мать сыру землю, зарождает на ней обильные плоды, так съеденная рыба оплодотворяет чрево бездетной жены и одаряет ее чадородием; то же самое свойство итальянская сказка приписывает сердцу морского змея (= дракона), а предание, общее для всех индоевропейских народов, — золотым яблокам, этим животворным плодам древа-тучи. Златоперая рыба заменяется иногда плавающей по водам золотую головою, а в сказке про «Надзезя — попова внука» богатырь зарождается от пепла самосгорающей головы, съеденного неосторожно девицею. Мифы — греческий о голове Медузы и скандинавский

* Перевод: «Пусть соберет король будимских девиц, принесет много чистого золота и сплетет частую мрежу, частую мрежу из чистого золота, пусть закинет сеть в тихий Дунай, поймает златокрылую рыбу и возьмет у ней правое крыло, рыбу да отпустит в воду, а крыло отдаст госпоже-королеве: когда съест она правое крыло — тотчас забеременеет».

о голове Мимира свидетельствуют, что в числе других представлений грозовой тучи допускалось и представление ее отрубленной головою, точно так же как немецкие саги сравнивают ее с огненным шаром или клубком. Сгорая в пламени молний, туча проливается оплодотворяющим дождем, а из пепла ее, или, прямее, из дождевых паров, снова собираются облака и нарождается богатырь-громовник. Чудесная рыба, исцеляющая от неплодия, напоминает нам сказочную щуку, с помощью которой Емеля-дурачок творит все, что ему ни пожелается. Пойманная дураком, щука, в уплату за свое освобождение, наделяет его следующим даром: стоит только ему сказать: «по моему прошенью, по щучьему веленью, будь то и то!» — и в ту же минуту все исполнится; в любопытном варианте сказки об Емеле-дурачке царевна тотчас забеременела, как скоро было выражено им подобное желание, скрепленное этою заветною формулою. Такой сверхъестественный дар заставляет невольно вспомнить сказку о золотой рыбке (царице всех рыб), исполняющей различные желания старика, который изловил ее в сети и потом отпустил в море; по всему вероятно, обе сказки возникли из одного общего источника, и золотая рыбка тождественна с могучею щукою*. Святочная подблюдная песня говорит о щуке серебряной, позолоченной, унизанной жемчугом и алмазами; следовательно, дает ей те же эпитеты, какими наделены и другие олицетворения тучи, сверкающей золотистыми молниями (свинка — золотая щетинка, золотогривый конь и т. д.):

*Шла щука из Новагорода,
Она хвост волокля из Белаозера;
Как на щуке чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченная;
Как у щуки спина жемчугом сплетена,
Как головка у щуки унизанная,
А наместо глаз — дорогой алмаз.*

* У Куна роль золотой рыбки исполняется щукою.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

